

На фото двоюродная сестра Нины Михайловны Мария Семеновна (в центре) с дочерьми Натальей и Антониной.

Ветераны - фронтовики (слева направо): Алексей Григорьевич Жмакин, Василий Гаврилович Маслов, Михаил Барабанов, крайний справа - отец Любви Николаевны -

Николай Степанович Черемушкин

Постоянную прописку на страницах нашей газеты нашли воспоминания старожилов больших и малых сел и деревень, расположенных на территории района. Сегодня мы познакомим вас с воспоминаниями уроженок деревни Монастырская Нины Михайловны Черемушкиной, в девичестве Рыбкиной, и ее дочери Любви Николаевны.

«Да из Горшков он!»

- Далеко не все знают, что у нашей деревни в обиходе было и иное название – Горшки, - говорит Любовь Николаевна. Ведь Монастырская славилась мастерами – умельцами, мастерившими различные изделия из глины, в том числе, горшки, корчаги под квас. Глину возили из-под Карточки – еще одно народное название местности, где располагалась Глиняная гора. Изделия продавали на базаре в Протасово.

Я до сих пор помню, как все вместе провожали ребят в армию. Парни ходили с гармошкой по деревне и собирали яйца. Потом жарили из них огромное количество яичницы и угощали молодежь. Провожать новобранцев ходили до Бугорчика – (название места за территорией кладбища).

В основном же в деревне жили небогато. Помню, как мама, не без юмора, рассказывала один случай. Она тогда поехала на базар вместе со своим отцом. На базаре увидела колечки краковской колбасы. «Пап, давай купим хомутенок для нашего жеребеночка!» - попросила она отца. И невдомек было простой деревенской девчушке, что это не «хомутик», а колбаса, считавшаяся деликатесной. Впрочем, сельчане тогда не только

деликатесной, но и обычной колбасы не видели.

«В отца

даже стреляли»

Сама Нина Михайловна родилась в Монастырской в 1938 году. Мать ее, Анна Михайловна, была родом из Павловки, отец, Михаил Николаевич, коренной житель Монастырского. Фронтовик, прошел всю войну, после тяжелого ранения, когда ему оторвало три пальца, комиссовали, и он вернулся в родную деревню. Работал лесником. По тем временам работа не безопасная.

- В наших лесах тогда скрывалось много дезертиров, - рассказывает Нина Михайловна. – Леса-то тянулись на десятки километров, было, где укрыться. Я не знаю, как там все произошло, и кого именно отец задержал, но вечером в окно нашего дома стреляли. Мы все тогда находились в избе. Мне было всего девять лет, но эта страшная сцена до сих пор перед глазами. К счастью, никого не задело. Мне кажется, отец тогда знал, кто именно стрелял в него, но не выдал виновного милиции. А вообще, от дезертиров много бед было, особенно в годы войны. Залезали в погреба, вытаскивая и без того скудные припасы сельчан, крали овец, которых резали на мясо.

Боялись мы за отца и из-за его конфликтов с сельчанами, занимавшимися самовольной вырубкой деревьев. Хотя мы жили, почитай, в лесу, дрова можно было заготавливать только по выписке. Отец отвечал за каждый кустик, незаконно выкорчеванный, а лес-то нужен был всем. Чем печки топить?

В целом же, благодаря отцу, наша семья не голодала так, как многие из соседей. Родители держали корову, лошадь, овец, поросят. Вот только нам самим мало что оставалось. Налоги буквально душили! В год следовало сдать сорок килограммов мяса, независимо от того, была на дворе хозяев живность, или нет. Поэтому сельчане загодя договаривались с теми, кто держал коров. Когда старую корову сдавали, владелец записывал выполнение налога и на тех, кто просил его об этом. Конечно, не бесплатно. А как доставались крестьянам тогда деньги, лучше не вспоминать. Одно горе и слезы. В колхозе ведь за трудодни не выдавали ни копейки.

Нашу семью поддерживал паек, который получал отец. На три месяца десять килограммов сгущенки и десять килограммов пряников. Я старалась тогда поддерживать своих подружек из многодетных семей, где не то, что пряник, лишний кусок хлеба считался лакомством. Делилась с девчонками сладостями. Родители относились с пониманием, во всяком случае, ни разу не попрекнули меня за такое «расточительство» продуктов. А голодовали в то время многие. По весне выкапывали с поля гнилую картошку, оставшуюся с осени. Из нее пекли лепешки, добавят горсть муки – вот тесто и готово. Зерно мололи на ветряной мельнице, что поставил колхоз в конце деревни. Мельником был Василий Черемушкин. За помол с бедовавших брал немного – пригоршню зерна или муки. Доброй души был человек.

Что касается деревни, в довоенные и первые послевоенные годы она была большой – дворов сто двадцать. Правда, ни клуба, ни избы-читальни у нас не имелось. Был только магазин да школа – четырехлетка.

«Учились мы

в литухе»

Хорошо помнит Нина Михайловна и свои школьные годы.

- Нашими первыми учителями были Мария Павловна Казакова из Зеленого Клина – она каждый день ходила пешком на работу в Монастырскую и обратно, и Кузьма Александрович Пискунов. Сначала мы учились в доме раскулаченных и высланных односельчан. Отопление было, разумеется, печное. Утром пораньше приходила уборщица и протапливала избу. А дежурный разливал по чернильницам – непроливашкам разведенные в пол-литровой банке чернила. Занятия начинались в восемь утра и заканчивались в двенадцать. Учебники нам выдавали в школе, но сразу предупреждали, чтобы мы хранили их бережно, так как эти книги после окончания учебного года мы отдавали младшеклассникам.

После войны в село приехала Серафима Ивановна, фамилию ее, к сожалению, я уже не помню. Так она сумела оформить под школу литуху, построенную колхозом.

«Были у нас и

единоличники»

- Колхоз в первые послевоенные годы в Монастырской был крепкий, - продолжала вспоминать Нина Михайловна. – Имелся скотный двор, где держали коров, телят. Два года держали свиней, но потом эта отрасль животноводства как-то «заглохла». Однако имелись в деревне и единоличники – двенадцать дворов. Чтобы получить разрешение на выписку дров, они заготавливали и сдавали желуди, ландыши. Помогали собирать оставшиеся после жатвы колоски. Расплачивались с ними дровами, ни о каких деньгах и речи не велось. Но все равно я хорошо помню, как они смеялись над теми, кто вступил в колхоз, утверждая, что жить своим хозяйством намного выгоднее. Но намного ли было выгоднее? Во всяком случае, богачее в нашей деревне не имелось. Поэтому сельчане

старались, как могли, подзаработать хоть немножко денег. Летом выручали яблоки, которые продавали в городе. Кто на лошади вез их на рынок, кто пешком шел, неся на себе груз. Однако путь от Монастырского до Саранска был не близкий, поэтому, как правило, доходили до будки дорожного мастера, а там садились на попутки. Проезжей дороги до нашей деревни тогда не было вообще.

Хорошим подспорьем были грибы и ягоды, их запасали на всю зиму. А еще, когда совсем голодно приходилось, люди догола обдирали ветки лип – листья этого дерева шли в пищу.

- Как я уже говорила, - продолжала рассказ Нина Михайловна, - в Монастырском имелся магазин, но продавали там только самое необходимое. Избы тогда освещали керосиновыми лампами, так литр керосина стоил семь копеек. Для малоимущих и это было дороговато.

В нижней части села сажали подсолнухи и картошку, семечки и излишки урожая потом продавали.

Сама же Монастырская по расположению напоминало букву Т: верх, низ и Троицкая. Была у нас и своя часовенка, правда, когда ее поставили, не знаю, скорее всего, очень давно. Из-под часовенки пробивался на свет родник. Вода в нем была голубоватого цвета, но очень чистая, все камешки можно разглядеть.

Славились Монастырская и своими псеками. Знатными пасечниками были Михаил Маханов, Семен Николаевич Рыбкин, Никифор Иванович Рыбкин, Павел Черемушкин. Отец моего мужа, Степан Аверьянович Черемушкин, славился, как знатный кузнец, мастер на все руки.

Так вот и жили, каждый, как мог, старался заработать хоть какую-то копейчку, но чтобы роскошь там или особенно большой достаток, такого не было...

Послесловие

Нина Михайловна жила в Монастырском до 1979 года. Там же вышла замуж за Николая Степановича Черемушкина, работавшего в колхозе ветврачом. Муж ее слыл человеком уважаемым, избирался депутатом. Сама Нина Михайловна на протяжении долгих лет проработала на ферме дояркой, была награждена орденом Знак Почета. А уж различных грамот у них с мужем было столько, что по выражению дочери, Любови Николаевны, можно было все стены в доме оклеить. И при этом они оба всегда оставались простыми в общении с соседями и друзьями, не кичились своими заслугами, а их дом всегда был открыт для тех, кто нуждался в совете и помощи.

Е. ФЕДОРОВА